

Мамышев Всеволод Николаевич

**Генерал-лейтенант Денис
Васильевич Давыдов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84   **Всеволод Николаевич М.**
Генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов / Мамышев Всеволод Никола-
евич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 330 с.

ISBN 978-5-519-95279-8

Обращаем внимание, что восстановить страницы под номерами 210, 214,
391 не подлежат восстановлению, из-за ветхости оригинала.

ISBN 978-5-519-95279-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

Денисъ Васильевичъ

ДАВЫДОВЪ.

I.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ — нашъ народный легендарный герой, знаменитый партизанъ *Двадцатаго* года, — родился 16-го Юля 1784 года, въ Москвѣ. Первые годы дѣтства своего Денисъ Васильевичъ провелъ въ родительскомъ домѣ, въ столицѣ, а съ семилѣтняго возраста, когда отецъ его былъ назначенъ Командиромъ Полтавскаго Легко-Коннаго полка, онъ, со всею семьею, проживалъ въ Полтавской губерніи, гдѣ былъ расположенъ этотъ полкъ.

Въ лагерѣ, подъ солдатской палаткой, сложились первыя впечатлѣнія будущаго воина.

Какъ всѣ Русскія дѣти, Давыдовъ, по его словамъ, съ *младенчества* своего игралъ въ солдатки, а отъ обстановки, въ которой протекло его дѣтство и отрочество, естественно, страсть къ маршировкѣ, приѣмамъ пикию, рубкѣ саблею, метанію ружьемъ и т. п., — эти его «забавы дѣтскія» постоянно возрастали. Верхомъ блаженства для ребенка была ѣзда на казачьей лошади, съ сотникомъ Донскаго Войска Филиппомъ Михайловичемъ Ежовымъ. — «Какъ рѣзвому ребенку, — говоритъ Давыдовъ ¹⁾ — не полюбить всего военнаго, при всечасномъ зрѣлищѣ солдатъ и лагеря?»

Эта страсть къ военному дѣлу особенно усилилась, получила громаднѣйшій толчекъ къ своему дальнѣйшему развитію, «высшее направленіе», сдѣлалась для него какъ бы завѣтомъ, отъ печальнаго вниманія къ нему великаго Суворова, къ составу Корпуса котораго въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія принадлежалъ Полтавскій Легко-Конный полкъ.

Не этотъ-ли безсмертный гений былъ тогда «тигъ всего военнаго, Русскаго, роднаго?» «Не Суворовымъ-ли занимался и лагерныя сборища, и гражданскія общества того времени? Не онъ-ли былъ предметомъ восхищеній и благословеній, заочно и лично, всѣхъ и каждаго? Его таинственность, происходившая отъ нравныхъ странностей, которыя онъ постоянно употреблялъ на перекоръ условнымъ странностямъ свѣта; его предпріятія, казавшіяся задуманными какъ будто «очертя голову»; его молниелетныя переходы; его громовыя побѣды на неожиданныхъ ни намъ, ни непріателемъ точкахъ военныхъ дѣйствій, — вся эта поэзія событій, подвиговъ, побѣдъ, славы, продолжавшаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду, все отзывалось въ свѣжей молодой Россіи полною поэзіей, — какъ все, что свѣжо и молодо!»

Этого-то человѣка судьба позволила видѣть Давыдову въ дѣтскихъ лѣтахъ и, что для него еще было *лестнѣе*, обмѣняться съ

¹⁾ Въ статьѣ Д. В. Давыдова: «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ».

нимъ нѣсколькими словами *въ одинъ изъ счастливейшихъ дней своей жизни*, по выраженію Давыдова.

Вотъ какъ это было:

За нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія Польши, Корпусъ Суворова былъ расположенъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской. Корпусная квартира его была въ Херсонѣ. Четыре кавалерійскіе полка, входившіе въ составъ Корпуса: Переяславскій Конно-Егерскій, Стародубскій и Черниговскій Карабинерные и Полтавскій Легко-Конный — стояли лагеремъ близъ Днѣпра, въ разныхъ, но близкихъ одинъ къ другому, пунктахъ. Полтавскій полкъ былъ расположенъ у села Грушевки. Семейство Давыдова жило въ домѣ, выстроенномъ на скорую руку для Императрицы Екатерины, во время Ея путешествія въ Крымъ. Лагерь стоялъ отъ дома не далѣе ста шаговъ. Денисъ Васильевичъ и братъ его жили въ лагерѣ.

« Въ одну ночь, — рассказываетъ Давыдовъ ¹⁾, — я услышалъ въ немъ шумъ и сумятицу. Выскочивъ изъ палатки, я увидѣлъ весь полкъ на коняхъ и на лагерномъ мѣстѣ одну только нашу палатку не снятою. Я освѣдомился о причинѣ такого неожиданнаго происшествія: мнѣ сказали, что Суворовъ только что пріѣхалъ изъ Херсона, въ простой курьерской телѣжкѣ ²⁾, и остановился въ десяти верстахъ отъ насъ, въ лагерѣ одного изъ полковъ, куда приказалъ прибыть всѣмъ прочимъ полкамъ на смотръ и маневры. Я былъ очень молодъ (ему было тогда 9 лѣтъ), но уже говорилъ и мечталъ о Суворовѣ. Можно себѣ вообразить взрывъ моей радости! Впрочемъ, радость и любопытство овладѣли не однимъ мною. Я помню, что покойная мать моя и всѣ жившіе у насъ родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки, все, что было живаго въ домѣ и въ селѣ, собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворовъ, чтобы хотъ

¹⁾ «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ».

²⁾ Телѣжка эта хранилась у отца Давыдова, какъ драгоценность, и сожжена въ Бородинѣ, во время сраженія, вмѣстѣ съ селомъ, домомъ и всѣмъ имуществомъ, оставленнымъ въ домѣ.

разъ въ жизни взглянуть на любимаго героя, на нашего божваго полубога. »

« Вскорѣ мать моя, — продолжаетъ Давыдовъ, — и мы отправились вслѣдъ за полкомъ и за любопытными зрителями, и оставились въ пустомъ лагерѣ, потому что войска были уже на маневрахъ. »

Суворовъ дѣйствовалъ по своему: маневръ кипѣлъ, подвигался и кончился въ семнадцать верстахъ отъ лагернаго мѣста. Къ полудню войска возвратились.

« Отецъ мой, говоритъ Давыдовъ, запыленный, усталый и окруженный своими Офицерами, вошелъ къ намъ въ палатку. Разсказы не умолкали. Анекдоты о Суворовѣ, самыя пролетныя его слова, самыя мелкія его странности, передавались изъ устъ въ уста съ восторгомъ: Излишними были только, какъ говорили тогда Офицеры, быстрота въ движеніяхъ, которую онъ требовалъ отъ конницы и продолжительное преслѣдованіе мнимаго непріятеля, (будто-бы) безъ всякой пользы изнурявшее людей и лошадей. . . .

За полчаса до слѣдующей полуночи Дениса Васильевича и брата его разбудили, чтобы видѣть Суворова или, по крайней мѣрѣ, слышать слова его, потому что ученье началось за часъ до разсвѣта, а въ самую полночь, « какъ насъ увѣряли », прибавляетъ Давыдовъ, — онъ выбѣжитъ нагой изъ своей палатки, ударить въ ладоши и прокричить пѣтухомъ: по этому сигналу трубачи затрубить « Генераль-маршъ », и войско станетъ сѣдлатъ лошадей, ожидая « Сбора », чтобы садиться для выступленія изъ лагеря. « Но, не взирая на все вниманіе », въ ту ночь никто не слышалъ ни хлопанья въ ладоши, ни крика пѣтухомъ.

До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и, спустя часъ по ихъ выступленіи, семейство Давыдова поѣхало вслѣдъ за ними въ коляскѣ. « Но угопишься-ли за конницею, ведомою Суворовымъ? говоритъ Денисъ Васильевичъ. — Бурные разливы ея ежеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ лугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами, въ облакахъ пыли, показывается кто-то скачущій въ бѣлой рубашкѣ — и въ

любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ полѣ для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ! вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, Графъ Александръ Васильевичъ!» Вотъ все, что мы видѣли и слышали.» Наскучивъ, наконецъ, безплоднымъ стараніемъ хоть однажды взглянуть на героя, семейство Давыдова возвратилось въ лагерь, въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ увѣрили, должны были окончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ.

Дѣйствительно, около 10 часовъ утра, все зашумѣло вокругъ палатки, гдѣ были Давыдовы, закричало: «скачетъ, скачетъ!» «Мы выбѣжали, говоритъ Денисъ Васильевичъ, и увидѣли Суворова въ ста саженьяхъ отъ насъ, скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки.

— «Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упало оно при встрѣчѣ съ любимую женщиною. Я весь былъ взоръ и вниманіе; весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу толпу, составленную изъ четырехъ Полковниковъ, изъ Корпуснаго Штаба, Адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди толпы, Суворова, на саврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ, въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формой нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты сухощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатера, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, не смотря на дѣтскія лѣта, напечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды....

«Когда онъ неся мимо насъ, любимый Адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совершенно необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій, — Тищенко закричалъ ему: «Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василія Денисовича!» —

«Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и увидя насъ, поверотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена; подзававъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «любишь-ли ты солдатъ, другъ мой?» — Я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «я люблю Графа Суворова; въ немъ все, — и солдаты, и побѣда, и слава!» — «О, помплуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ; «это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!» — Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поверотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ....

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на впечатлительную душу мальчика. Они имѣли еще большее значеніе, когда Суворовъ вторично высказалъ въ подобныхъ же выраженіяхъ о будущности Дениса Васильевича.

Это было въ Грушевкѣ. Суворовъ, по особенной благосклонности къ Полковнику Давыдову, самъ назвался къ нему на обѣдъ. Объ этомъ «важномъ происшествіи» для своего дома Денисъ Васильевичъ рассказываетъ такимъ образомъ:

«Не помню точно, но кажется, что это было во время Петровскаго поста, или въ какой-то постный день, только мнѣ весьма памятны хлопоты и суматоха въ домѣ для пріисканіи рыбы побольше и получше, и для приготовленія другихъ любимыхъ имъ постныхъ блюдъ. Не мало было заботъ, чтобы приготовиться къ пріему и угощенію знаменитаго гостя, не любившаго измѣнять своего обыкновеннаго образа жизни. Къ восьми часамъ утра все было устроено.

«Маневры того дня кончились въ семь часовъ утра, то есть въ семь часовъ утра войска были уже на маршѣ къ лагерю. Отецъ мой, оставивъ свой полкъ на походѣ, поскакалъ въ лагерь во всю прыть своего черкесскаго коня, на которомъ былъ на ма-

неврахъ, чтобы, перемѣнивъ его скорѣе, успѣть пріѣхать къ намъ и, до прибытія Суворова, исправить то, что было нужно для его принятія. Уже онъ былъ на половинѣ пути отъ лагеря къ Грушевкѣ, какъ вдругъ съ одного возвышенія увидѣлъ, около двухъ верстъ впереди себя, но нѣсколько въ сторонѣ, всадника съ другимъ всадникомъ, отставшимъ довольно далеко; оба они скакали во всѣ поводыя по направленію къ Грушевкѣ. Это былъ Суворовъ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ, скачущій туда прямо съ маневровъ. Отецъ мой усилилъ прыть своей лошади, но не успѣлъ пріѣхать къ нашему дому прежде шестидесяти-трехъ-лѣтняго старца-юноши. Онъ нашелъ его уже всего опыленнаго, на крыльцѣ, трепавшаго саврасаго коня своего и выхвалявшаго качества его толпѣ любопытныхъ, которою былъ окруженъ ».

« Тутъ отецъ мой пригласилъ и провелъ его въ приготовленную комнату, а самъ занялся своимъ туалетомъ: подобно Суворову, онъ весь покрытъ былъ пылью, такъ что нельзя было угадать чертъ его лица.

Съѣзжались гости, свита Суворова, Командиры Полковъ, — « всѣ въ полномъ парадѣ, въ шарфахъ ». Около часу продолжалось ожиданіе выхода Суворова въ гостиную. Наконецъ, вдругъ растворились двери изъ комнатъ, отдѣленныхъ столовою отъ гостиной, и Суворовъ вышелъ оттуда чистъ и опрятенъ, какъ « младенецъ послѣ Святаго Крещенія »; волосы были у него убраны, мундиръ на немъ былъ Генераль-Аншефскій того времени, на распашку, съ тремя звѣздами. По бѣлому лѣтнему жилету лежала лента Георгія перваго класса: болѣе орденовъ не было. Лѣтнее бѣлое, довольно узкое исподнее платье и сапоги, доходившіе до половины колѣна, въ родѣ легкихъ ботфортъ. Въ рукахъ ничего не было, — ни шляпы, ни каски. Такъ въ другой разъ Денисъ Васильевичъ увидѣлъ Суворова.

Полковникъ Давыдовъ вышелъ къ нему на встрѣчу, провелъ его въ гостиную и представилъ ему свое семейство. Суворовъ подошелъ къ его женѣ и, поцѣловавъ ее въ обѣ щеки, сказалъ ей нѣсколько словъ объ отцѣ ея, Генералѣ-Поручикѣ Щербининѣ,

бывшемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Намѣстникомъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній; каждаго изъ дѣтей благословилъ снова, далъ поцѣловать свою руку и сказалъ: «Это мои знакомые». Потомъ, обратясь къ Денису Васильевичу, повторилъ: «О, этотъ будетъ военнымъ человѣкомъ! Я не умру, а онъ выиграетъ три сраженія!» Повторяемъ, слова эти запали въ душу мальчика и оставили въ ней неизгладимое впечатлѣніе.

Описавъ это событіе въ своей жизни, въ статьѣ «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ» ¹⁾, въ которой полководецъ очерченъ съ большимъ искусствомъ, но свѣдѣніями изъ которой мы боимся воспользоваться, чтобы не разширить чрезъ-чуръ нашу біографію, Денисъ Васильевичъ говоритъ, что Суворовъ, въ предсказаніи о немъ и о его братѣ — не былъ пророкомъ: братъ его весь свой вѣкъ служилъ въ военной службѣ и служилъ съ честію, «а я не командовалъ ни арміями, ни даже отдѣльными корпусами, слѣдовательно, не выигрывалъ и не могъ выиграть сраженій. — При всемъ томъ, замѣчаетъ онъ, слова великаго человѣка имѣли что-то магическое».

Послѣ такого предсказанія, будущій воинъ, повидимому, сталъ вести себя весьма воинственно. «Маленькій повѣса бросилъ Псалтирь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянѣ и отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, думая тѣмъ исполнить пророчество великаго человѣка» ²⁾.

Но въ строй, на битвы было еще рано. «Розга обратила его къ миру и ученію» ³⁾. Ребенокъ обрздумился.

«Но какъ тогда учили?» говорилъ впослѣдствіи Давыдовъ. — «Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствій, а не для пользы общества; учили лепетать по Французски, танцевать, рисовать и музыкѣ».

¹⁾ Первоначально помѣщена была въ «Библіотекѣ для чтенія», т. XI (№ 20, 1835 г.), перепечатана въ «Журналъ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній», № IV. Сочиненія Д. В. Давыдова. ч. II (М. 1860).

²⁾ Автобіографія. (Соч. III, 123.)

³⁾ Тамъ-же.

Самолюбивый, дѣятельный, одаренный пламеннымъ воображеніемъ, Давыдовъ не могъ помириться съ такого рода занятіями. — Но и эти занятія въ скоромъ времени прекратились. — Давыдовъ достигъ 13-лѣтняго возраста. «Тутъ было пора думать и о будущности: онъ сѣлъ на коня, захопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаєю гончихъ собакъ по мхамъ и болотамъ, и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе».

Между *порошамъ* и *брызгами* онъ жилъ въ Москвѣ, безъ занятій. Можетъ быть даровитой природѣ Дениса Васильевича и пришлось бы заглухнуть отъ такого недостатка образованія и отъ отсутствія подходящей дѣятельности, если бы его не спасли молодые люди, воспитывавшіеся въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета и особенно вліяніе его двоюроднаго брата — знаменитаго Ермолова.

Самолюбивая природа Дениса Васильевича была за живо задѣта примѣромъ Алексѣя Петровича, который не могъ не пробудить въ душѣ его стремленія къ образованію и къ болѣе осмысленной жизни.

Дѣйствительно, въ Давыдовѣ совершался поворотъ къ лучшему. Молодые знакомые снабжали его книгами и вскорѣ Денисъ Васильевичъ пристрастился къ чтенію, а когда попались ему въ руки «Аониды», — полу-періодическое собраніе стихотвореній (издаваемыхъ въ родѣ альманаха Карамзинымъ, въ 1796-1799 г.), наполненное пѣсами почти всѣхъ тогда извѣстныхъ стихотворцевъ, — онъ и самъ сталъ пописывать стихи, еще не зная стихотворныхъ размѣровъ. По собственному признанію Дениса Васильевича, имена знакомыхъ его, напечатанныя подъ нѣкоторыми стансами и пѣснями воспламенили честолюбіе юноши. — «Мысли толпились», говоритъ онъ, «но, какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою». — «Въ порывахъ нетерпѣнія своего, онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья — но не тутъ-то было!» ¹⁾.

¹⁾ Тамъ-же (стр. 124).

Тогда онъ обратился къ переводамъ и вотъ первый опытъ такого его стихотворенія:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторяло:
О милая овечка, когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить!

Это *первое*, безъ сомнѣнія *слабое*, произведеніе не можетъ не представлять интереса, какъ наглядное доказательство того, на сколько по первому опыту начинающаго писателя можно судить о достоинствѣ его дальнѣйшихъ произведеній. — По этому мы и не послѣдовали Бѣлинскому ¹⁾ не совѣтывавшему печатать слабыхъ произведеній Давыдова, находя, что такіа произведенія никому и не въ какомъ отношеніи не могутъ быть интересны, а между тѣмъ будто-бы могутъ повредить извѣстности автора.

Такъ прожилъ Давыдовъ, въ свѣтскомъ вихрѣ древней столицы и въ родовомъ имѣніи, — все царствованіе Императора Павла.

Но предсказанія Суворова твердо сидѣли въ умѣ юноши. Громъ побѣдъ, безсмертные подвиги Русскихъ войскъ въ Италіи и Швейцаріи и безпримѣрныя награды Государа, строгаго, но щедраго на воздаяніе заслугъ, разжигали воображеніе не одного Давыдова. — Поэтому, когда ему исполнилось 16 лѣтъ, кончилась юношеская пора и наступило время подумать объ избраніи житейской дѣятельности, и отцу его предложили, по примѣру многихъ Дворянъ того времени, записать Дениса Васильевича въ Иностранную Коллегію, то Денисъ Васильевичъ на отрѣзъ отказался быть *архивнымъ юношею*, — какъ называли тогда молодыхъ людей, состоявшихъ на службѣ въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи, и твердо заявилъ намѣреніе служить только въ военной службѣ. — Надо было согласиться. — Отецъ исполнилъ желаніе сына. — Разумѣется, рѣшено

¹⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго, (М. 1860) VIII, 309.